

Елизавета Минаева

САДИСЬ В МАШИНУ*

What if I never let you in?
And now you're with somebody who did.
I amnotshane. Maybe My Soulmate Died?

Открывать глаза было больно. Это, видимо, нервы. Не в том смысле, что Тамара перенервничала. Просто нервные окончания внутри глазных яблок были воспалены, повреждены или что там с ними еще происходит. Это результат слишком большого количества пролитых вчера слез. А те — как последствие слишком сильного алкогольного опьянения.

«Так, мы ели в „Маргарите“, все было прилично, потом к нам подседа эта телка с телика, — она щелкает пальцами, — Анита! — и мы вроде че-то ржали, — потом Анита сказала, что у нее друзья сидели на большой встрече в „Гвидоне“, но теперь просто допивают по корпоративной карте за огромным столом, и мы пошли туда пешком. Хм, пока все нормально. Мы в „Марга-

* Из авторского сборника «Сказки для взрослых девочек. Vol. 2».

рите“ выпили всего две бутылки кавы на троих! Так. „Гвидон“. У-у-у. Гаспар, французский экспат, предложил лимончелло. Но я же не дуручка какая-то. Это пять лет назад меня можно было так легко развести, я взяла креман. Молодец!» — она потеряла глаза, но на пальцах остался какой-то влажный след, как будто от слез... — «Ага, потом мы пошли в „На Вина“, там я выпила два просекко. А потом...»

А потом пришлось справляться по банковскому приложению. Дальше был бар Merlion на Никитской, потом 13 500 рублей в «Симаче» («А, конечно, выпендривалась, взяла на всех бутылку Perrier-Jouet, дура»), а потом («Простите, что?!») ИП Заир.

Телефон провибрировал, усиливая похмелье. И тут до Тамары дошло: это был ТОТ день. Гребаная суббота. Какого черта она наступила?

«Любимка, ты где?!» — текст вроде бы был простой, но по сочетанию вопросительного и восклицательного знаков Тамара понимала, что Зайчик психует. Она уже готова была посыпать голову всеми видами пепла, но внезапно осознала, что от нее во всей этой утренней фрустрации ускользнула одна довольно важная деталь: она проснулась не дома. Сразу стало больно не только в глазных яблоках, но и где-то во всем мозге. Из-под одеяла явно торчала конечность. Тамара исследовала объект; походил он на человеческую руку. Но самое ужасное: рука явно была присоединена к человеческому телу. И это тело даже дышало.

Она оглядела комнату впервые после пробуждения, кстати, было симпатично. К сожалению, внешний вид тела рядом с ней говорил немного. Под одеялом пряталось что-то сексуальное и слегка волосатое.

«Армянин? — подумала Тамара. — НЕУЖЕЛИ ИП ЗАИР?!» Но, вообще-то, было не до национальной принадлежности.

Тамара максимально аккуратно выскользнула из-под одеяла, к своему счастью обнаружила, что вчерашнее платье было белым, а ее саму на одежде даже не стошнило. Как это умеют только женщины, у которых в резюме «многозадачность» — не какая-то шутка, Тамара одновременно застегивала молнию платья, вызывала Яндекс-такси, искала ванную и набирала сообщение: «Зай, через пятнадцать минут у тебя». В зеркало она старалась не смотреть. Хотя было очень надо. Зубы чистила пальцем, пальцами и расчесывалась: подумала, в какой-то статье недавно читала, что в моде «легкая небрежность», вот, она просто *очень модная*.

В такси стало интересно, кому же принадлежала рука, то есть... ладно, с кем, собственно, произошло вчера ночью соитие. Она надеялась, что все-таки не с владельцем киоска шаурмы, который явно мог бы переспать с ней исключительно из жалости. Она даже представляла этот диалог: «Дайте, пожалуйста, шаурму в сырном лаваше и трахните меня». Нет-нет, надо было фокусироваться на по-настоящему важной вещи — на свадьбе.

Тамара вылетела из машины около «Арарат Парк Хаятт», практически сбила с ног скупающего сотрудника отеля, а добравшись на нужный этаж, открыла дверь номера своей картой.

— Зайчик, прости, пожалуйста, я проспала, но смотри, я всего на полчаса опоздала, вот, я тут, готовая и прекрасная!

Она взмахнула волосами, как это делали в кино, пытаясь продемонстрировать свою прекрасность, но голова закружилась еще сильнее.

— Киса, ну почему ты меня подводишь? — Он на секунду замер. — И почему от тебя пахнет какой-то помойкой? Ты разве не должна была вчера лечь спать пораньше?

— Зай, — Тамара решила скрыть свои грехи наступлением, — а чего ты начинаешь? Ты сам вчера был на мальчишнике!

— Так, и что? Я в полночь спал уже. Ты вообще была в душе?..

— Ты хочешь разосраться? Вот сейчас? И я что, хреново выгляжу, что ли, ты мне это хочешь сказать?

— Тамара, ты всегда прекрасна, и я тебя люблю, ты это знаешь без моих напоминаний, — Зайчик осекся, — и я очень-очень-очень благодарен тебе за то, что ты сейчас здесь и со мной. Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, да? — Он крепко обнял Тамару.

Тамара печально кивнула.

— Но прости, пожалуйста, меня. Ты что, с утра напилась?

— Блин, Костя! — Она отшвырнула его руки. — Я кто, по-твоему?

— Зая, прости, но я сам сейчас опьянел от твоих ароматов.

— А у меня, считай, был девичник! Что, мне нельзя, что ли?

— Тома! — Костя начинал злиться. — Какой, к черту, девичник, ты же, блин, не невеста!

Это было неприятно, больно и паршиво. Он сказал это вслух. Так звучала правда. Ее лучший друг, ее верный товарищ, мужчина, которого она любила 93% своей жизни, сегодня женился не на ней. А она должна продолжать делать вид, что так и надо.

— Я сейчас пойду к Наташе в номер и что-нибудь с собой сделаю, ладно? Тебя это устроит?

— Ну а как ты всем объяснишь то, как от тебя воняет?

— Послушай, это интересует только тебя. А твоя невеста с ее противными сестрами будут только счастливы лишней раз обсудить, какая я мерзкая. Win-win!

— Тебя никто не считает мерзкой, не выдумывай.

— Конечно, — Тамара глубоко вдохнула и закатила глаза, — это они тебе так говорят, потому что прекрасно знают, что я иду с тобой в комплекте два по цене одного.

— Так, давай закончим пререкаться? Нам скоро ехать в загс. Иди, сделай что-то с собой, по дороге на место расскажешь, что ты там вчера учудила, коза. — Костя наконец-то улыбнулся.

— Обязательно бы рассказала, если бы помнила, дорогой! — бросила она уже на выходе из номера.

На секунду она прижалась спиной к захлопнувшейся двери, закрыла глаза и досчитала до десяти. «Это происходит на самом деле», — ужасно раскалывалась голова.

В номере невесты все было как в сценах из американских ромкомов. Целая команда визажистов и парикмахеров махала кисточками и расческами над подружками невесты, два фотографа снимали атмосферу и детали, гениальной идеей Наташи было нарядить всех гостей женского пола в белое, а самой надеть розовое свадебное платье. Таким образом она как бы подчеркивала свое великодушие по отношению к незамужним подругам: они на свадьбе в белом платье. Только вот половина девушек от этой информации буквально впала в депрессию: в белом платье на чужой свадьбе. Это была, пожалуй, самая яркая аллюзия на звенящее одиночество. Тамара тоже была не в большом восторге от этого решения невесты. Дело в том, что белый цвет не очень комплиментарно подчеркивает фигуру, а значит, необходимо было не попадаться на глаза фотографам. Все вокруг были такие красиво-радостные, из каждого угла раздавался залиvistый смех и мелодичное щебетание этих воспитанных девушек с перво-классным высшим образованием. Тамара на их фоне ощущала себя грязным пятном. Никто

из этих женщин никогда бы не оказался в ситуации, в которой она была этим утром. Такие правильные, такие приличные и такие безумно скучные.

— Тома, дорогая, как я рада тебя видеть! — Наташа притворно улыбнулась.

— Ты такая красивая, уау, я тебя от души поздравляю! — Свежевыжатый сок из груши было сделать проще, чем Тамаре произнести эти слова.

— Я тебя благодарю! Наконец-то настал этот чудесный день!

— Натусик, тут такое дело, у вас нет когонибудь свободного из визажистов? А то я проспала сегодня, так нервничала, не каждый день выпадает возможность побыть подружкой жениха, знаешь ли.

Невесту буквально передернуло от напоминания об этой шутке Тамары и Костика. Дело в том, что, когда Наташа объявила о дресс-коде, жених и его лучшая подруга начали шутить, что, раз на этой свадьбе нарушаются все традиции, вместо Best Man у них должна быть Best Woman. Ну и шутка слегка затянулась. Невеста почти в истерике где-то за неделю до свадьбы требовала выбрать в друзья нормального человека мужского пола, а не это позорище по имени Тамара. Прекрасно понимая, что нужно отстаивать свои права до свадьбы (не без чужой помощи), Костик категорически отказался. Да и кто для него был лучшим другом с самого детства? Позицию отвоевали.

Наташе же сейчас нужно было принять очень сложное решение: послать эту овцу к черту и таким образом испортить себе свадебные фотографии либо переступить через себя и сохранить семейный альбом в идеальном виде. Быстро взвесив все за и против, она приняла решение проявить великодушие.

— Конечно, дорогая, — улыбка была натянута вновь, — вот Аллочка сейчас освободится, шампанского?

От мысли о шампанском подкатывала тошнота, поэтому Тамара энергично замотала головой. Через полчаса с внешним преображением было покончено, выглядела она в разы лучше, чем чувствовала себя, от всех услышанных разговоров казалось, что внутри черепной коробки произошел атомный взрыв.

Визажистка смотрела на нее с недоверием, виной всему был достаточно устойчивый запах перегара, так что все это время Тома прикладывала максимум усилий, чтобы практически не дышать.

Однако Костик был в полном восторге от того, как поработал мастер:

— Вот она, моя любимая Киса, до чего красивая, у тебя сегодня отбоя не будет от ухажеров.

— Представляю, — она скривила лицо, — завидные холостяки из друзей невесты, фу.

— Давай ты поищешь в ситуации хоть какой-то позитив? — Костик мурлыкал. — Только надо что-то сделать с запахом. Что ты вообще пила вчера?

— Вопрос, знаешь ли, стоит задавать иначе. Не «что», а «сколько». Потому что пила я дорогое игристое разных стран мира. Считаю, у меня было путешествие в Италию, Испанию и в целых два региона Франции. — Она говорила, передвигаясь по гостиничному номеру.

— Особенный повод?

— Конечно, — приходилось говорить громче, так как она зашла в ванную и начала рыться в баночках в его косметичке, — о, побрызгаюсь твоим Santal 33?

— Хотя всю банку вылей, лишь бы стала пахнуть приличнее. Так что за праздник?

— А почему ты решил, что у меня праздник? — Она вплотную подошла к Косте. — Так лучше?

— Теперь от тебя очень сильно воняет, но хотя бы чем-то приятным. Тома, что ты за человек? Всегда с тобой все одинаково: полный апокалипсис, из которого ты играючи выходишь красоткой.

— Видишь, какая я молодец!

— Ты молодец, но скажи мне, почему надо изначально все доводить до катастрофы?

— Потому что это моя работа, если ты не помнишь, я кризисный менеджер. Нет кризиса — мне скучно.

— Ты от скуки вчера нажралась?

— Я культурно выпила, потому что мой любимый человек женится на какой-то фарфоровой тупой статуэтке.

— Киса, мы это проходили. Наташу нужно лучше узнать, пообщаться, поговорить с ней. А я не твой любимый человек, тебя просто перекрыло, потому что ты меня всегда оберегала, за что я благодарен, кстати, до безумия, но только мне уже не десять лет, соседские мальчишки больше не бьют меня из-за того, что я ботан.

— Наташа — пробка, соседские мальчишки — уроды, а ты — самый лучший человек на свете, которого я очень люблю.

Иллюзий ни у кого не было. Тамара призналась в любви Костику сразу после того, как он сообщил ей, что собирается сделать Наташе предложение. Она рассчитывала на то, что он немедленно все осознает, бросится в ее объятия и разорвет отношения с этой дурой.

Костик, вопреки ее ожиданиям, ответил, что прекрасно знает про ее чувства, но сам ничего подобного не испытывает. Пару десятков лет назад они пообещали друг другу, что будут говорить всю самую гадкую и мерзкую правду, которая только существует. Отец Кости бросил его маму ради совсем юной девицы, с которой до этого крутил роман пару лет, что подарило формирующейся личности аллергию на ложь.

— Ты просто боишься, что кто-то вмешается в наши с тобой отношения, Киса. А это невозможно, потому что есть бабы, жены, мужики, друзья, родители, другие окружающие люди, а есть моя Тома. Ты из другой категории людей, ты особенная.

— Отлично, давай тогда ты женишься на мне? — стоило попытаться еще раз.

— Я женюсь на Наташе, милая. Давай мы просто с этим согласимся, ладно? В наших отношениях ничего не изменится.

— Ты уверен, что она сделает тебя счастливым? — Тамара смотрела с недоверием.

— Она уже делает меня счастливым. Правда.

Хотелось выйти из номера не говоря ни слова, сесть на заднее сиденье первой же попавшейся машины в пробке на Неглинной, заблокировать двери и попросить ошалевшего водителя просто проехать до Садового, не задавая вопросов. Хотелось наброситься на Костика и заставить его насильно целоваться, потому что он же от поцелуя точно бы понял, что надо выбрать ее, а не эту курицу, ведь поцелуи разрушают злые чары. Хотелось немедленно стать другим человеком, который не прогуливал пары, не разбивал коленку в драке с хулиганами, не смеялся слишком громко, когда было очень весело, не залезал к соседям через забор, чтобы воровать сливы. Человеком, который бы подходил ему. Тихой идеальной телкой с красным дипломом (*не использовался по назначению в данной ситуации*), которая смотрит на мир с отвращением даже когда улыбается. Выбирать менажницу под цвет штор в гостиной, слушать только классическую музыку и не уважать людей, которые носят одежду из массмаркета.

Ладно, это уже перебор. Она не смогла бы соответствовать ни одному из пунктов, между ней

и Наташей была какая-то бесконечная пропасть. Несмотря на образование МГИМО, девушка была малоэрудированной. Подобные ей персонажи в их с Костиком «балльной таблице интеллекта» находились где-то на уровне тройки. Костик был семеркой, Тамара — восьмеркой, их преподаватель по истории религий получил высший балл в этой системе: девять с половиной, потому что десятка — величина недостижимая, нужная для того, чтобы к ней стремиться, и любой приличный интеллектуал об этом знал. Даже водитель свадебного лимузина был, скорее всего, выше невесты Костика в этой иерархии. Так подумалось, потому что они уже находились на пути в загс, а мужик вообще нормально только что подрезал какого-то придурка на гелике.

— Ты чего тихая такая? — Костик коснулся ее плеча. — Никогда тебя такой не видел.

— Похмелье, — она улыбнулась уголками губ, глаза оставались печальными, — хочется выпить.

— Узнаю мою Тому. — Он даже не заметил ее грусти.

— Волнуешься?

— Вообще нет. Я делаю ровно то, чего хочу.

— Да ладно? — Она вскинула брови и быстро заморгала. — Ты хочешь ехать через весь город в розовом лимузине?

— Он под платье подходит, — Костик почему-то сказал эту абсурдную чушь как-то слишком серьезно и доверительно, — фотографии должны получиться отличные.

Интересно, что она никогда не замечала за ним любовь к сочетанию цветов и фотографии. Это было нечто новое. Она хотела пошутить про то, что он скатывается с семерки до пятерки, но в этот момент не казалось, что стоит. Наверное, впервые в жизни Тома себя остановила от того, чтобы сказать забавную глупость, понятную только им двоим.

— Том, зай, я хотел тебя попросить о чем-то. — Костику очевидно было неловко.

— Сегодня же твой день, проси о чем угодно. — Она мягко улыбнулась.

— Постарайся сегодня ничего не выкинуть, ладно?

Перебор. Это точно был перебор. Внутри она закипела, но не хотелось превращать эту просьбу в кинокартину «Всё о Томе».

— Конечно, зай, я буду прикладывать все усилия.

— Спасибо, люблю тебя.

От этих слов стало неприятно. То ли в машине было душно, то ли похмелье накрыло ее новой волной, Тамару подташнивало. К счастью, они уже подъехали ко входу в загс, поэтому она ловко выскочила из лимузина и сделала большой вдох. Стало полегче.

Они приехали четко по таймингу, о чем счастливо сообщила организатор свадьбы, поджидавшая их у входа. Машина Наташи ожидалась через пятнадцать минут, чтобы Костик не видел невесту до того самого момента. Когда Тамара